

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

БЕРЛИН

45-ГО

Сражение в логове зверя

Подлинная история великих войн

Алексей Исаев

**Берлин 45-го. Сражение
в логове зверя**

«Яуза»

2020

УДК 94(47+57)"1945"
ББК 63.3(2)622.13

Исаев А. В.

Берлин 45-го. Сражение в логове зверя / А. В. Исаев — «Яуза»,
2020 — (Подлинная история великих войн)

ISBN 978-5-04-108671-8

1945. Год Великой Победы. «Звездный час» советского народа. Дата величайшего триумфа в русской истории. Однако и сейчас, спустя 75 лет после Победы, финал Великой Отечественной, ожесточенная Битва за Берлин, вызывает множество вопросов. Каковы реальные потери в Берлинской операции? Можно ли было обойтись без штурма Зееловских высот? Действительно ли было «соревнование» между Жуковым и Коневым? И, наконец, а стоило ли вообще штурмовать Берлин? В предлагаемой книге ведущего военного историка Алексея Исаева не только скрупулезно анализируется ход Битвы за Берлин, но и дается объективная оценка действий сторон, неопровержимо доказывая, что Берлинская наступательная операция по праву считается одной из самых успешных и образцовых в истории.

УДК 94(47+57)"1945"

ББК 63.3(2)622.13

ISBN 978-5-04-108671-8

© Исаев А. В., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Пролог. Перемены на Западном фронте	6
Цейтнот	9
Кокон из танковых армий	15
Цейтнот II. Маленькая тайна Маршала Конева	21
Одерский фронт. Повторить Ржев!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Валерьевич Исаев
Берлин 45-го. Сражение в логове зверя

© Исаев А.В., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог. Перемены на Западном фронте

Когда 31 января 1945 г. передовыми отрядами армий 1-го Белорусского фронта были захвачены плацдармы на Одере, разница между положением советских и англо-американских войск была огромной. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции только-только оправились от сильного удара, нанесенного им немецким наступлением в Арденнах. Передовые советские части стояли на Одере в 70 км от Берлина, а войска союзников находились в сотнях километров от него на западной границе Германии. Более того, наступление на «Линию Зигфрида» в районе Эйфеля, начатое 28 января силами 1-й и 3-й американских армий, через три дня было остановлено Эйзенхауэром. Продвижение вперед было непропорционально потерям. Это стало одной из причин того, что на Ялтинской конференции Берлин был отдан в советскую зону оккупации.

Однако в феврале и марте 1945 г., когда советские фронты на берлинском направлении переживали кризис на флангах, англо-американские войска провели ряд операций, приблизивших их к немецкой столице.

Первым шагом стало продвижение к Рейну, начавшееся 8 февраля 1945 г. с наступления 1-й канадской армии из района Неймегена. 23 февраля к наступлению присоединились 1-я американская армия Ходжеса и 9-я армия Симпсона. Две армии начали наступление с рубежа реки Рур навстречу канадцам. Общий замысел наступления союзников предусматривал окружение немецких войск на западном берегу Рейна. 3 марта американские и англо-канадские войска соединились у немецкого города Гельдерна. 7 марта с захватом железнодорожного моста через Рейн у Ремагена был образован первый плацдарм союзников на восточном берегу реки. Это был единственный мост через Рейн, доставшийся союзникам неповрежденным. Для уничтожения моста у Ремагена были привлечены все средства, начиная от традиционной артиллерии и экзотических подводных диверсантов и заканчивая «чудо-оружием». По мосту было выпущено 11 ракет «Фау-2», что было единственным применением ракет в тактических целях. Для уничтожения моста была сформирована специальная группировка, состоявшая из 8 бомбардировщиков «Арадо-234» (из 76-й бомбардировочной эскадры) и примерно 30 «Ме.262» из I группы 51-й бомбардировочной эскадры. Первый налет не привел к успеху, равно как и следующие 12. В конце концов бомбардировщику «Арадо-234» удалось повредить один мостовой пролет, но инженерные подразделения американцев быстро его исправили. Но в конце концов сильно поврежденный мост рухнул сам по себе, от близкого разрыва тяжелого снаряда. Однако к тому моменту американцы переправили на плацдарм пять дивизий, и разрушение моста запоздало.

Далее немецкое командование попало в типичную для стороны, вынужденной вести пассивную оборону, ловушку. Командующий группой армий «Б» Модель считал, что американцы начнут прорыв с северного фаса плацдарма у Ремагена с целью обеспечить форсирование Рейна своим соседям. Командующий оборонявшейся по периметру плацдарма 15-й немецкой армией фон Цанген считал более вероятным направлением удара центральную часть плацдарма. Однако последнее слово было за Моделем, и LIII корпус Байрлейна, в котором было сосредоточено большинство танков 15-й армии, занял оборону на северном фасе Ремагенского плацдарма. Здесь на реке Зиг была создана наиболее прочная оборона. В центре оборонялся второй по силе LXXIV корпус, а южный фас плацдарма занимал самый слабый LXVII корпус.

Американские солдаты у башенок знаменитого «моста Людендорфа». Захват моста через Рейн у Ремagens не только облегчил союзникам наступление на восток, но и определил их стратегию

Вопреки ожиданиям Моделя удар был нанесен в центре Ремagensкого плацдарма. Начавшаяся 25 марта операция американских войск под кодовым наименованием «Вояж» уже на следующий день привела к обвалу немецкой обороны. Танки и «Ягдтигры» корпуса Байрлейна были просто обойдены. Уже 29 марта танковая колонна 1-й американской армии, пройдя за день 70 км, оказалась в 25 км от Падеборна, глубоко в тылу войск группы армий «Б». После короткого, но кровопролитного сражения у Падеборна 1 апреля кольцо окружения вокруг немецкой группировки в Руре замкнулось. В гигантский «котел» попали около 370 тыс. человек. 28 марта Рур был объявлен «фестунгом», и вместо отступления на восток Модель решил его оборонять. В свою очередь, американское командование в лице Эйзенхауэра приняло решение сосредоточить усилия на периметре «котла», стремясь разбить окруженные войска противника. С этой целью 9-я американская армия была передана из состава 21-й группы армий Монтгомери в 12-ю группу армий Бредли.

Англичане были отнюдь не в восторге от принятых Эйзенхауэром решений. 1 апреля 1945 г. Черчилль пишет президенту Рузвельту:

«...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они. Поэтому мое мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости»¹.

Однако умирающий Рузвельт (американский президент скончался 12 апреля) уже не мог повлиять на верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Западной Европе. Эйзенхауэр имел достаточные полномочия для проведения в жизнь принятых им решений. В своих воспоминаниях он впоследствии объяснял логику своих действий следующим образом: «Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин – символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 3. Тома 5–6. М.: Воениздат. 1991. С. 579.

взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников. Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием. Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач»².

Таким образом, со стороны американского командования имел место сознательный отказ от участия в битве за Берлин. После того как у Монтгомери отобрали 9-ю американскую армию, перспектива прорыва к немецкой столице англичан была тем более туманной. Впоследствии это решение Эйзенхауэра стало объектом резкой критики, т. к. вместо почетной миссии взятия Берлина американским солдатам пришлось вести бои с окруженными немецкими войсками. К 18 апреля рурский «котел» окончательно развалился. 21 апреля командующий группой армий «Б» Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством. Всего американскими войсками в Руре было взято в плен 317 тыс. человек – больше, чем в Сталинграде и в Эль-Аламейне, вместе взятых. Это стало некоторым утешением за ускользнувший из рук Берлин.

² *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000. С. 448–449.

Цейтнот

Первые проработки плана наступления на Берлин, согласно мемуарам Г.К. Жукова, появились еще в ноябре 1944 г., когда 1-й Белорусский фронт стоял на Висле. В результате Висло-Одерской операции были захвачены плацдармы на Одере в 70 км от Берлина. В середине февраля 1945 г. армии фронта даже получили директивы на удары в направлении Берлина. К тому моменту войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов вклинились на территорию Германии до Одера, оставив на флангах крупные группировки противника в Восточной Померании (к северу от вбитого до Одера клина) и Силезии (на юге).

Однако вновь созданная немцами группа армий «Висла», усиленная свежесформированными и переброшенными с других участков фронта дивизиями, оказалась прочнее, чем представлялось поначалу. Февральское наступление 2-го Белорусского фронта К.К. Рокоссовского в Померании забуксовало, затем последовал контрудар немецкой 11-й армии из Померании во фланг войскам на берлинском направлении (операция «Солнцестояние»). Наступать на Берлин, отвлекая значительные силы на прикрытие флангов, было рискованно. Дело было не только в возможности контрударов противника, но и в недостаточном количестве войск, которые могли быть использованы для удара в направлении немецкой столицы. Половина общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта в феврале 1945 г. стояла фронтом на север, в сторону Балтийского моря, а не в сторону Берлина. Директивы на Берлинскую операцию пришлось положить под сукно.

Старая рейхсканцелярия. Балкон был пристроен по требованию Гитлера в первые годы его власти для общения с народом

Март 1945 г. был посвящен ликвидации фланговых угроз. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развернулись своими главными силами на север и юг соответственно. Последовал ряд ударов, в результате которых была очищена от противника Восточная Померания, нанесено поражение 3-й танковой и 2-й армиям группы армий «Висла». Также в марте нанесен ряд тяжелых поражений группе армий «Центр» в Верхней и Нижней Силезии. Главной ударной силой этих операций стали четыре танковые армии двух фронтов.

Однако о наступлении на Берлин не забывали. В то время как гремели бои в Померании, стоявшие на Одере армии 1-го Белорусского фронта занимались расширением захваченных плацдармов. Противником советских войск в этих боях стала немецкая 9-я армия, подчиненная группе армий «Висла». Ряд последовательных ударов принес успех. К концу марта 1945 г. в 60 км от Берлина был образован Кюстринский плацдарм, ширина и глубина которого позволяли собрать на нем крупную ударную группировку для наступления на столицу Третьего рейха.

Обеспечив себя в марте крупным монолитным Кюстринским плацдармом, Г.К. Жуков не собирался останавливаться на достигнутом. На 3 апреля 1945 г. было назначено начало частной операции по объединению плацдармов 33-й и 69-й армий у Франкфурта-на-Одере. Ликвидацией франкфуртской группировки противника Жуков собирался обеспечить себе более широкое поле выбора направления главного удара. Приказ на наступление на Франкфурт был подписан 26 марта, а к 28 марта были разработаны два плана наступления на Берлин. Они получили наименование вариантов «А» и «Б». По плану «А» предполагалось наступать на немецкую столицу, сосредоточив главные силы фронта на Кюстринском плацдарме. По плану «Б» основная ударная группировка сосредотачивалась на плацдарме у Франкфурта-на-Одере, захват которого собирались начать 3 апреля. Вариант «Б» предусматривал сосредоточение на Франкфуртском плацдарме 8-й гвардейской, 69-й и 33-й общевойсковых армий. На Кюстринском плацдарме оставалась 5-я ударная армия, усиленная 11-м танковым корпусом. 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать в полосе 69-й армии, а 2-я гвардейская танковая армия – в полосе 8-й гвардейской армии. Тем самым главный удар войск 1-го Белорусского фронта должен был наноситься в обход трудного для наступления участка местности перед Кюстринским плацдармом – Зееловских высот. Даже само по себе образование второго крупного плацдарма рассеивало внимание противника. Немцам пришлось бы держать резервы на подступах к обоим плацдармам. Прорыв с одного из них означал перемалывание резервов немецкой 9-й армии по частям, сначала близлежащих, а потом спешно переброшенных с неадекватного периметра второго плацдарма.

С двумя вариантами плана операции, в прекрасном расположении духа, Г.К. Жуков отправился 29 марта в Москву на прием к И.В. Сталину. На тот момент у него были все основания считать, что время еще есть. Войска 2-го Белорусского фронта еще штурмовали Данциг и Гдыню, в Силезии в самом разгаре было наступление 1-го Украинского фронта. Скорого высвобождения войск Рокоссовского и Конева ожидать не приходилось, и судьба Франкфурта-на-Одере казалась уже решенной. Однако выбор варианта «А» или «Б» стал выбором политическим, а не военным. Крушение немецкого фронта на западе и не вполне очевидные планы союзников относительно Берлина побудили советское верховное командование не затягивать с наступлением на немецкую столицу.

В Москве командующего фронтом ждал сюрприз. Жуков вспоминал:

«29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

– Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

– Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении»³.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 289–290.

Что интересно, в своих мемуарах Георгий Константинович даже не стал вспоминать о двух вариантах операции. Впоследствии о втором плане наступления 1-го Белорусского фронта ходили самые фантастические легенды. Наиболее существенным недостатком варианта «Б» была потеря времени на объединение плацдармов 33-й и 69-й армий и разгром многочисленного гарнизона Франкфурта-на-Одере. В этих условиях выбор варианта «А» становился очевидным. Нужно также сказать, что корректировка мартовских планов вряд ли бы облегчила принятие решения о направлении наступления. Одновременно объединить Кюстринский плацдарм и захватить Франкфурт-на-Одере было бы проблематично.

Следующим шагом стало привлечение к Берлинской операции застрявшего в Верхней Силезии 1-го Украинского фронта. Жуков вспоминал:

«Обратившись к А.И. Антонову, Верховный сказал:

– Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом»⁴.

Для командующего 1-м Украинским фронтом визит в Москву также стал неожиданностью, но неожиданностью приятной. И.С. Конев прибыл в Москву 31 марта 1945 г. Еще в феврале 1945 г. его войска начали наступление с прицелом на Дрезден. Тогда его пришлось остановить на рубеже Нейсе и развернуть в сторону флангов. Однако берлинское направление с точки зрения подготовки наступательных планов не было в новинку для Ивана Степановича. Теперь ему предстояло действовать куда ближе к Берлину, чем планировалось в феврале 1945 г.

На следующий день после приезда Конева состоялось совещание с участием командующих двумя фронтами.

⁴ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 291.

СУ-76М где-то в Германии.

САУ этого типа в 1945 г. были вторым по распространенности образцом бронетехники Красной Армии после Т-34-85

Приглашать в Москву накрепко засевшего под Данцигом К.К. Рокоссовского было бессмысленно. С его поздним вступлением в борьбу за Берлин Верховный уже смирился. 1-й Украинский фронт вел наступление в Силезии в первую очередь за счет перегруппировки танковых армий. Свернуть операцию и перебросить две танковые армии, а также артиллерийские части на берлинское направление было проще.

Итогом работы в Москве стала выработка общего плана наступления на Берлин. Г.К. Жуков вспоминал: «1 апреля 1945 года Верховный Главнокомандующий заслушал доклад А.И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем – мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И.С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта»⁵.

Результаты совещания были закреплены директивами Ставки командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на подготовку и проведение Берлинской операции. Они были подписаны 2 и 3 апреля соответственно.

Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-м Белорусским фронтом не оставляла сомнений относительно выбора варианта плана операции: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырех общевойсковых армий и двух танковых армий»⁶. Гарнизон Франкфурта-на-Одере получил отсрочку от смерти, но ненадолго.

Помимо отказа от заманчивого плана с двумя плацдармами на Одере Жукову предстояло проглотить еще одну горькую пилюлю. Одним из пунктов директивы Ставки ВГК шло следующее: «Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока». То есть танковые армии должны были выйти на Эльбу и тем самым исключить выход союзников к Берлину с запада.

Это, очевидно, политическое решение фактически означало исключение танковых армий 1-го Белорусского фронта из борьбы за немецкую столицу. Более того, директива Ставки направляла танковые армии в сторону от тылов немецкой 9-й армии. Тем самым создавалась угроза того, что сбитые с одерского фронта корпуса армии Бюссе отойдут в Берлин и их придется выковыривать из бетонных и каменных зданий большого города. Предотвратив возможность захвата Берлина союзниками, 1-й Белорусский фронт рисковал получить в своем тылу «фестунг» (крепость), рядом с которым Познань и Бреслау могли показаться детскими шалостями. Перед Жуковым стоял один из самых трудных выборов за всю войну.

⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 292.

⁶ Русский архив. Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. С. 66.

Кокон из танковых армий

Нет сомнений, что директива Ставки на проведение Берлинской операции командующего 1-м Белорусским фронтом совершенно не устраивала. Однако открыто спорить с решением Ставки и самого Сталина было бессмысленным занятием. Это грозило отстранением от командования фронтом. Тем более несколькими месяцами ранее сам Жуков сменил на посту командующего 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского. Прямой отказ от выполнения указаний сверху мог привести к возвращению на фронт прежнего командующего. Бездумное следование приказу бросить танковые армии на Эльбу в обход Берлина с севера грозило большими потерями в штурме Берлина в варианте набитого войсками «фестунга».

Одновременно определенные ограничения на диапазон принимаемых решений оказывала специфика сложившейся к апрелю 1945 г. обстановки. От Кюстринского плацдарма до Берлина было всего 60 км. Соответственно наиболее распространенное и логичное решение с отсечением от города стоящих на дальних подступах к нему войск противника было трудно-реализуемым. В отсутствие политического фактора два фронта могли ударить навстречу друг другу танковыми армиями, отсекая от Берлина главные силы защитников одерского фронта. Но ввиду новых директив Ставки пришлось бы для этого сговариваться с Коневым, что было почти невозможным. Впрочем, у Жукова уже были некоторые «домашние заготовки» времен разработки планов наступления на Берлин одним фронтом.

Но для начала нужно было получить «добро» от Ставки на некоторые изменения. В своих воспоминаниях он описал это следующим образом:

«Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт, начинал наступление на четверо суток позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М.Е. Катюкова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В.И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение задачи, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И.В. Сталин сказал:

– Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее»⁷.

Получив разрешение на ввод танковых армий на нужном ему направлении, командующий 1-м Белорусским фронтом 12 апреля выпустил пакет директив на наступление. В отличие от своих коллег, писавших пространные директивы всем армиям сразу, Г.К. Жуков ставил задачи подчиненным ему армиям несколькими частными директивами, разделив объединения своего фронта на несколько групп. Командующий фронтом частной постановкой задач разделил их на «форвардов», «полузащитников» и делегацию для встречи с американскими войсками на Эльбе. Построение директив было стандартным: данные о противнике, соседи, задачи по рубежам на первые четыре дня наступления и конечная задача в операции.

⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 296.

Советский солдат с фаустпатроном. Гранатометы часто становились трофеем Красной Армии и широко использовались в войсках.

Первой по номеру была частная директива № 00539/ оп, адресованная лично командующим 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й танковыми армиями. Эти четыре армии были «форвардами», которым предстояло наступать непосредственно на Берлин с Кюстринского плацдарма.

Основной удар по городу Берлину должна была нанести 8-я гвардейская армия В.И. Чуйкова. Ее задачей по частной оперативной директиве № 00539/оп было:

«прорвать оборону противника на участке: ст. (1 км юго-вост. Гольцов), Г[осподский] Дв[ор] (2 км вост. Заксендорф) и, развивая удар в общем направлении, Зеелов, Требнитц, Гарцау, Дальвиц, Силезский вокзал, Шарлоттенбург, овладеть рубежами:

а) в первый день операции – Альт-Розенталь, Ной-Энтемпель, Лицеи;

б) во второй день операции – Гарцин, выс. 78, 2, оз. Максзее; в) в третий день операции – искл. Альт-Ландсберг, вост. окр. Хоппегартен, Калькберге.

В дальнейшем овладеть пригородами: Марцан, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Каульсдорф, Мальсдорф, Дальвиц, центральной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавель»⁸.

«Запас прочности» у армии В.И. Чуйкова для выполнения поставленной задачи был небольшой. Перед Висло-Одерской операцией соединения 8-й гв. армии насчитывали около 6 тыс. человек, а перед Берлинской операцией большинство дивизий недотягивало до 5 тыс. человек. Численность стрелковых рот дивизий 8-й гв. армии была примерно 50 % от штатной. В целом состояние соединений 8-й гв. армии было достаточно характерным для войск, находившихся в подчинении Г.К. Жукова перед Берлинской операцией.

Правым соседом 8-й гвардейской армии была 5-я ударная армия Н.Э. Берзарина. Ей в указанной частной директиве была поставлена задача:

«прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Цехин), Гольцов и, развивая удар в общем направлении, Цехин, Ной-Харденберг, Грунов, Везенталь, Блюмберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами: а) в первый день операции – искл. Альт-Фридрихланд, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь; б) во второй день операции – искл. Претцель, Рульсдорф; в) в третий день операции – искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

⁸ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 75.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее»⁹.

Если наложить эту задачу на карту, то получается наступление в западном направлении темпом 14–15 км в сутки с захватом северной части Берлина.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков изучает обстановку по карте

Если отягощенные массой артиллерии и тяжелой бронетехники общевойсковые армии были сильны своим ударом, то танковые армии должны были стать легким, но гибким и дальнобойным инструментом ведения операции. Преимуществом танковых объединений являлись большее число средних танков и САУ, а также наличие мотопехоты. Плановое использование двух танковых объединений 1-го Белорусского фронта в битве за Берлин было довольно необычным.

Перспектива далее использовать могучие танковые армии для выстраивания их перед союзниками на Эльбе с плакатиками «Ты туда не ходи, ты сюда ходи!» Жукова, конечно же, не устраивала. Поэтому предложенному Ставкой плану Георгий Константинович в своих частных директивах не последовал. Разумеется, никто не собирался бросать танкистов на тесные улицы Берлина. Сложности использования танковых соединений в крупном городе были очевидны, и поэтому 1-я и 2-я гв. танковые армии должны были лишь подготовить Берлин к штурму общевойсковыми армиями. Обе танковые армии Жуков предполагал вводить в прорыв на рубеже,

⁹ Там же.

лежащем примерно на полпути между исходными позициями и задачей первого дня 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

На второй день после ввода в прорыв 2-я гв. танковая армия должна была: «выйти в район: Биркенвердер, Хейлигензе, Розенталь, Шенвальде.

В дальнейшем одним корпусом захватить переправы через Гогенцоллерн-канал на участке Ораниенбург, Геннигсдорф и овладеть плацдармом на его зап. берегу. Главными силами армии ударом на юг, во взаимодействии с 1-й гв. ТА, овладеть северо-западной частью г. Берлина до линии железной дороги Бернау, Панков, Шарлоттенбург, ст. 1 км вост. Ваннзее»¹⁰.

Если расшифровать эту задачу, то танковая армия С.И. Богданова должна была обойти Берлин с севера и повернуть на его северо-западную окраину. Тем самым выстраивалась «пробка» между защитниками немецкой столицы и резервами, которые могли подойти им на выручку с северо-запада и запада. Одновременно захватывался перспективный плацдарм на Гогенцоллерн-канале для вооруженной делегации по встрече с союзниками.

Задача 1-й гв. танковой армии была симметричной задаче 2-й гв. танковой армии относительно центра Берлина. На второй день после ввода в прорыв армия М.Е. Катукова должна была: «овладеть районами: Марцан, Карлсхорст, Шеневейде, Копеник, Фридрихсхаген, Ноенхаген.

В дальнейшем ударом на юго-запад, во взаимодействии со 2 гв. ТА, овладеть районом: Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Целендорф, Лихтенраде, Рудов, приг. Трептов, Нейкельн»¹¹.

Перечисленные в задачах 1-й гв. танковой армии названия – это в основном не районы самого города Берлин, а его пригороды. Районами Берлина среди вышперечисленного являются Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Трептов и Нейкельн. Описанным в директиве № 00539/оп маневром 1-й гв. танковой армии защитники города изолировались от подхода резервов с юга и юго-востока. Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану «обволакивали» немецкую столицу, подобно тому как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катукова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона.

Справа и слева от «форвардов» главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта должны были наступать две пары армий-«полузащитников». Слева от «форвардов» в роли «полузащитников» выступали 69-я и 33-я армии. Этим двум армиям была поставлена задача единой частной директивой № 00543/оп. 69-я армия должна была стартовать с южной части Кюстринского плацдарма и наступать по маршруту, параллельному направлению движения главной ударной группировки фронта. Тем самым армии на направлении главного удара избавлялись от необходимости растягивать фланги. Директивой № 00543/оп предполагалось участие армии В.Я. Колпакчи в штурме немецкой столицы: «на шестой день операции овладеть юго-восточной и южной частью города Берлин и выйти на юго-восточный берег оз. Хавель»¹².

33-я армия В.Д. Цветаева должна была перейти в наступление с северного фаса захваченного в феврале 1945 г. плацдарма на Одере. В первую очередь две армии-«полузащитника» должны были реализовать задуманное еще в конце марта объединение плацдармов.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 77.

¹¹ Там же.

¹² ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

Вспомогательными ударами по сходящимся направлениям 33-я и 69-я армии должны были сомкнуть фланги и окружить «фестунг» Франкфурт-на-Одере. Однако главная задача той и другой армий лежала далеко на западе от последнего немецкого плацдарма, на восточном берегу Одера. Конечной задачей 33-й армии было, «обеспечивая свой фланг с юга и юго-запада, наступать в общем направлении Кенигс-Вустерхаузен, Михендорф, Бранденбург»¹³. Это вполне соответствовало директиве Ставки. Двигаясь на запад, 33-я армия должна была одновременно оттеснять противостоящего противника на юго-запад, отбрасывая его части в направлении стыка с 1-м Украинским фронтом.

Севернее «форвардов» должны были наступать правые «полузащитники» в лице 3-й ударной и 47-й армий. Им Г.К. Жуков поставил задачи частной оперативной директивой № 00542/оп. По первоначальному замыслу операции ни Егоров, ни Кантария, ни капитан Неустроев из 3-й ударной армии не должны были оказаться у Рейхстага. Если бы все развивалось по частной оперативной директиве № 00542/оп, их имена никогда не стали бы известны миллионам сограждан. Получившая впоследствии славу покорителя Рейхстага 150-я стрелковая дивизия Шатилова, как и десятки других соединений на берлинском направлении, прошла бы мимо немецкой столицы, выполняя свою узкую задачу. 3-я ударная армия В.И. Кузнецова должна была наступать параллельно главной ударной группировке фронта, не входя в Берлин. Если конечной целью «форвардов» было озеро Хавельзее, то 3-я ударная армия должна была обойти его с севера и «заглянуть» за него. Конечной задачей армии было «на восьмой день операции овладеть районами: Геннигсдорф, Бризеланг, Фарлянд, Кладов, Гатов, Шпандау»¹⁴. Армия В.И. Кузнецова единственная из общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта получила на усиление подвижное соединение – 9-й танковый корпус. Справа от 3-й ударной армии должна была наступать 47-я армия. Ее конечной целью был выход на р. Эльба. Плановый темп наступления 3-й ударной и 47-й армий составлял примерно 15 км в сутки.

Двум армиям на правом фланге 1-го Белорусского фронта задачи ставились отдельно. Связано это было скорее с языковым барьером – одной из них была 1-я армия Войска Польского. Частной оперативной директивой № 00541/оп польским войскам предписывалось форсировать р. Одер и уже в первый день наступления выйти к Альте-Одер и захватить плацдарм на его западном берегу. На второй день операции 1-я польская армия должна была форсировать Альте-Одер и далее наступать на запад. Для форсирования двух водных преград армия получала 274-й батальон особого назначения (амфибий). На одиннадцатый день операции польские части должны были выйти на р. Эльба.

Правым соседом 1-й польской армии была 61-я армия П.А. Белова. Она занимала позиции на правом фланге 1-го Белорусского фронта и примыкала к 49-й армии 2-го Белорусского фронта. По частной директиве № 00540/оп 61-я армия должна была форсировать Одер и уже к исходу дня 16 апреля овладеть обширным плацдармом на его западном берегу. Что интересно, именно в частной директиве 61-й армии мелькает в явном виде дата начала наступления – 16 апреля. Во всех остальных директивах написано только: «Время начала наступления согласно моим личным указаниям».

После форсирования Одера 61-я армия должна была наступать на запад, «обеспечивая свой правый фланг от контрударов противника с севера и северо-запада». Конечной целью наступления был выход на р. Эльба. Расположение армии П.А. Белова на фланге означало, как вполне вероятный вариант действий, оборону фронтом на север, подобно февралю 1945 г.

Ни 61-я армия, ни 1-я польская армия не получали средств усиления класса артиллерийских дивизий. Тем самым они радикально отличались по составу как от «форвардов», так и от «полузащитников», составляя делегацию для встречи с союзниками на Эльбе. Видимо, счита-

¹³ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

¹⁴ Там же, л. 88.

лось, что на периферии обороны Берлина эти две армии встретят слабое сопротивление противника. 61-й армии также подчинялся 7-й кавалерийский корпус, который можно было применить при слабом противодействии противника. На этом фоне несколько странно выглядит оценка противника, данная в директиве № 00540/оп. Предполагалось, что 61-й армии противостоят в первой линии 1-я дивизия морской пехоты, 11-я моторизованная дивизия СС, 610-я пехотная дивизия особого назначения, 503-й танковый батальон («тигров»?), а в качестве резерва указывалась 10-я моторизованная дивизия СС. В действительности последняя (10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг») к тому моменту уже находилась в подчинении группы армий «Центр» и дислоцировалась в районе Герлица.

Цейтнот II. Маленькая тайна Маршала Конева

Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом, и плох тот военачальник, что не хочет войти в столицу противника. Да и для простых солдат участие в боях за главный город врага было мечтой, которую они лелеяли в ледяной воде переправ, в бесконечных маршах и в становившихся на многие месяцы домом окопах. Многие трудные и кровопролитные сражения сотрутся из памяти людей в послевоенные десятилетия. Только в глубине души вернувшиеся с войны солдаты и офицеры будут знать, что самым трудным и запоминающимся был бой у никому не известной деревушки. Но лишь нескольким сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.

Задача, поставленная войскам 1-го Украинского фронта директивой Ставки ВГК № 11060 от 3 апреля 1945 г., в принципе не предусматривала их участия в сражении собственно за Берлин. Цели операции формулировались Ставкой следующим образом:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Коттбус и южнее Берлина. Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльбе до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг»¹⁵.

Иван Степанович Конев прекрасно понимал, что значит стать покорителем Берлина в глазах потомков. И потому даже в исходный план операции были заложены меры, позволяющие оспаривать славу захвата лежавших так близко и так далеко улиц немецкой столицы. Так же как и Жукову, ему пришлось подготовить план наступления войск своего фронта, идущий вразрез с директивами Ставки.

Если в адресованной Жукову директиве было четко сказано «овладеть столицей Германии городом Берлин», то Коневу предписывалось лишь «разгромить группировку противника [...] южнее Берлина», а о самом Берлине ничего не сказано. Как признается сам Конев в своих воспоминаниях, лазейка была найдена в разграничительной линии между двумя фронтами. Он написал об этом так: «Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе? Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да еще в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятым. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся»¹⁶.

Сейчас, когда нам доступны директивы Ставки обоим фронтам, лукавство этой версии видно невооруженным глазом. При этом Конев почему-то упускает из виду, что задачи фронта в вышепротитированной директиве были достаточно четко сформулированы на глубину, гораздо большую, нежели рубеж обрыва разграничительной линии. В директиве Ставки ВГК № 11060 четко указывается, что от 1-го Украинского фронта требуется овладеть «рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена». Белитц лежит намного южнее окраин Берлина, примерно на меридиане Франкфурга-на-Одере. Далее войска И.С. Конева нацеливаются на Лейпциг, т. е. вообще на юго-запад.

К слову сказать, сам по себе обрыв разграничительной линии у Люббена мог означать возможность ее поворота от этой точки на юг. В январе и феврале 1945 г. И.С. Коневу постоянно приходилось разворачивать войска на свой южный фланг. Такое же событие могло иметь

¹⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). 1999. С. 225.

¹⁶ Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 98–99.

место в ходе наступления на Берлин. В этом случае о прорыве к Бранденбургу пришлось бы забыть, как пришлось в феврале 1945 г. забыть о выходе к Эльбе.

Особую роль в сражении должны были сыграть 3-я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко и 3-я гвардейская армия В.Н. Гордова. Очевидно, что быстрее всего можно было выйти к Берлину подвижными соединениями. Однако Конев был человеком трезвомыслящим и поэтому понимал сложности ведения боев в городе крупными механизированными соединениями. Поэтому предполагалось задействовать в боях за Берлин пехоту 3-й гвардейской армии.

В общей директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. возможное участие 3-й гв. армии в сражении за Берлин предполагалось более чем скромным: «Подготовить одну стрелковую дивизию для действий в составе особого отряда 3 гв. ТА из района Треббин на Берлин». Задача армии в том виде, в котором она была поставлена В.Н. Гордову, формулировалась в выражениях куда более сильных:

Строительство типичной для Германии баррикады поперек улицы. Стенки такого сооружения образовывали деревянные брусья или рельсы, а заполнялось оно камнями и землей. Подобные баррикады не преодолевались танками и выдерживали попадание снарядов до 152-мм калибра

«Армия со средствами усиления прорывает оборону противника на зап. берегу р. Нейсе на участке (иск.) Форст, (иск) перекресток шоссе и автостреды, 1 км юго-восточнее Клейн-Бадемейзель, уничтожает противостоящего противника и, стремительно развивая наступление

главными силами в обход Коттбус с юга, выходит на рубеж (иск.) Цоссен, Беелиц, Нимчек, откуда главными силами атакует Берлин с юга и одним СК с юго-запада»¹⁷.

Между «главными силами атакует Берлин» и «одной стрелковой дивизией для действий в составе особого отряда» лежит пропасть. Неясным остается вопрос, как И.С. Конев предполагал вывести из боя против котбусской группировки противника всю 3-ю гв. армию и в полном составе бросить ее на Берлин. Возможно, предполагалось использование для прикрытия фланга полученных от Ставки резервов в лице 28-й и 31-й армий. Возможно также, что имела надежда на быстрое свертывание обороны противника и общую дезорганизацию немецких войск к юго-востоку от Берлина.

В решении командующего 3-й гв. армией присутствовали такие слова:

«...нанося главный удар в обход Коттбуса с юга в направлении Фетшау, Гольсен, Лукенвальде, во взаимодействии с 3 гв. ТА главными силами выйти на рубеж (иск.) Цоссен, Беелитц, Нимчек, откуда двумя стрелковыми корпусами (120 и 76 СК) нанести удар по Берлину с юга и одним СК (21 СК) с юго-запада»¹⁸.

Генерал Гордов несколько модернизировал поставленную Коневым задачу. Хотя в общем описании задачи армии присутствовал оборот «в обход Коттбуса», ось ее наступления проходила через сам город Коттбус. Разграничительная линия между корпусами, проходившая через Коттбус на Фетшау, делила армию на две части. Севернее ее должны были наступать 76-й и 120-й стрелковые корпуса, а южнее – 21-й стрелковый корпус. 76-й стрелковый корпус должен был захватить переправу через Шпрее у Дебрика, севернее Коттбуса, 120-й стрелковый корпус – в районе самого Коттбуса и 21-й стрелковый корпус – южнее Коттбуса. Город Коттбус несколько самонадеянно предполагалось захватить «передовым отрядом» 120-го стрелкового корпуса. Решение В.Н. Гордова можно объяснить стремлением захватить и использовать крупное шоссе, которое в случае простого обхода Коттбуса стало бы рокадой для контрударов противника. Немцы смогли бы в условиях лесных массивов перемещать крупные массы войск от Форста к Коттбусу и обратно.

Одновременно захват крупной трассы вытеснял противника в труднопроходимый район к северу от Коттбуса.

Если 3-й гвардейской армии на правом фланге фронта И.С. Конев поставил задачу без обиняков, то в отношении участия 3-й гв. танковой армии в сражении за Берлин первоначально были сделаны указания общего характера. Сложившийся к 8 апреля первоначальный план операции был еще достаточно осторожным. Он предусматривал выход 3-й гв. танковой армии в район к западу от Берлина: «Ком. фронта ориентировал командующего армией о последующей задаче 3 гв. ТА в общем направлении на Бранденбург»¹⁹. Бросок на Берлин пока имел самые общие контуры. В директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля Конев приказывал Рыбалко: «Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга»²⁰.

Характер использования 3-й гв. танковой армии поначалу шел вразрез с типичным для И.С. Конева вариантом с вводом механизированных объединений в бой, а не в прорыв. Согласно все той же директиве командующего 1-м Украинским фронтом № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. 3-ю гв. танковую армию предполагалось ввести в прорыв с рубежа р. Шпрее в полосе 3-й гвардейской армии. Такое использование наиболее мощного средства ведения маневренных операций соответствовало указаниям, данным И.С. Коневу в директиве Ставки ВГК № 11060: «Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после про-

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 30.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 32.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 676, л. 8.

²⁰ Конев И.С. Указ. соч. 1966. С. 98.

рыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара»²¹. Танковую армию предполагалось ввести в сражение только после выхода пехоты общевойсковых армий на рубеж р. Шпрее. Согласно журналу боевых действий 3-й гв. танковой армии этот вариант был в основном утвержден командующим фронтом 9 апреля. Руководствуясь первоначальным планом операции, П.С. Рыбалко приказом № 022/оп от 1.30 13 апреля описывал условия ввода армии в сражение следующим образом: «3 гв. ТА вводится в прорыв на участке 3 гв. А с рубежа р. Шпрее южнее Коттбус и, стремительно развивая наступление в общем направлении Калау, Люккау, Люкенвальде, к исходу Д+3 овладевает районом Китлиц, Шлапендорф, Фостлих-Дрена, Калау»²². Сообразно этому он поставил своим подчиненным задачу «войти в прорыв с рубежа р. Шпрее на участке (иск.) Коттбус, Галингхен, имея в первом эшелоне 6 и 7 гв. ТК и во втором эшелоне, за левым флангом 9 МК»²³. 6-й гв. танковый корпус должен был одной бригадой содействовать штурму Форста, переправиться через р. Нейсе в ночь на Д+2 (т. е. в ночь на второй день операции), содействовать 3-й гв. армии в захвате Коттбуса и в ночь на Д+3 форсировать Шпрее южнее Коттбуса. 7-й гв. танковый корпус также должен был в ночь на Д+2 форсировать Нейсе, а в ночь с Д+2 на Д+3 – Шпрее. Некий налет «коневщины» имело только участие 6-го гв. танкового корпуса в штурме Форста и Коттбуса.

Однако 14 апреля И.С. Конев во изменение ранее отданных распоряжений дал указания об использовании танковой армии П.С. Рыбалко с первого дня операции. Во изменение предыдущего приказа командарм в 22.30 14 апреля издает новый приказ № 023/оп:

«1. 6 гв. ТК с дивизионом 40 ПАБР в период артподготовки выйти на исходный рубеж – лес вост. р. Нейсе на участке Гросс-Бадемейзель, Клейн-Бадемейзель, имея передовую бригаду непосредственно за боевыми порядками 21 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками 21 СК, обогнать пехоту на рубеже Носсдорф, Зиммерсдорф, к исходу Д+1 передовой бригадой захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее на участке Мадлов, Галлинхен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Кикебуш, (иск.) Фраундорф, Хугон, (иск.) Хазов.

[...]

2. 7 гв. ТК в период артподготовки выйти на исходный рубеж – лес вост. р. Нейсе на участке Клейн-Бадемейзель, Эрленхольц, имея передовую бригаду (56 гв. тбр) непосредственно за боевыми порядками 102 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками 102 СК, обогнать пехоту на рубеже Зиммерсдорф, Клейн-Кельциг, к исходу Д+1 передовой бригадой захватить плацдарм на западном берегу Шпрее на участке Фраундорф, Нейхаузен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Фраундорф, Нейхаузен, (иск.) Роггозен»²⁴.

9-й механизированный корпус должен был наступать во втором эшелоне армии. 16-ю самоходно-артиллерийскую бригаду на ленд-лизовских СУ-57 предполагалось использовать для прикрытия левого фланга армии, а 57-й гв. тяжелый танковый полк (единственная часть армии Рыбалко, вооруженная ИСами) оставался в резерве командарма.

Приказы двум передовым корпусам словно написаны под копирку: «в период артподготовки выйти... не позже Ч+3 форсировать... к исходу захватить плацдарм...» По новому решению командующего фронтом танковая армия должна была форсировать р. Нейсе в боевых порядках пехоты, а в дальнейшем обогнать пехоту примерно на трети пути от Нейсе до Шпрее и к исходу первого дня наступления захватить плацдармы на р. Шпрее. Для ускорения продвижения вперед 6-й гв. танковый корпус уводился с линии Форст – Коттбус, оставляя

²¹ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). 1999. С. 225.

²² ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 79.

²³ Там же.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 82.

штурм этих узлов сопротивления противника пехоте. Стрелковым корпусам общевойсковых армий также предписывалось выбросить передовые отряды для захвата плацдармов на Шпрее. Далее от танкистов Рыбалко ожидался стремительный прорыв в глубину. По приказу № 023/оп передовые отряды 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов (по одной бригаде) на второй день наступления должны были захватить Дубен и Люккау соответственно. Эти пункты лежали в 60–70 км от Нейсе. Тем самым темпы операции были ускорены, по крайней мере, на треть: к Дубену и Люккау нужно было выйти на сутки раньше, чем по первоначальному плану наступления. Конев явно решил прорваться к Берлину первым. При этом подчиненных о перспективах покорения немецкой столицы он не информировал. В отчете штаба 3-й гв. танковой армии по итогам операции отмечалось: «Наступление на Берлин не входило первоначально в задачу 3 гв. ТА»²⁵.

Поставленной в центр построения ударной группировки 1-го Украинского фронта 13-й армии Н.П. Пухова по первоначальному плану операции досталась роль связки между двумя крупными танковыми таранами. Директивой № 00211 от 8 апреля 13-й армии предписывалось «форсировать реку Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Бадемейзель, (иск.) Клайн-Зэрхен и наступать в общем направлении Гросс Кельциг, Дребкау, Мюнххаузен, Шлибен, Цана»²⁶. Ввод в прорыв танковой армии в полосе наступления 13-й армии первоначально не предполагался. Кулак, взламывающий оборону для ввода в брешь крупных танковых масс, должен был действовать южнее, где войскам 5-й гвардейской армии И.С. Коневым предписывалось: «форсировать р. Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Зэрхен, Мускау и развивать удар в общем направлении Гойерсверда, Швепнитц, северо-западная окраина Дрезден»²⁷. Содействовать пехоте 5-й гв. армии А.С. Жадова должен был 4-й гв. танковый корпус П.П. Полубоярова. Всего для непосредственной поддержки пехоты в составе армии А.С. Жадова к началу операции было 115 танков и САУ. 4-ю гв. танковую армию предполагалось «ввести в прорыв на участке 5-й гв. армии с рубежа р. Шпрее и, стремительно развивая наступление в общем направлении Гросс-Решен, Финстервальде, Шлибен, Цана, к исходу третьего дня операции овладеть районом Задо, Финстервальде, Гохра, Зэрхен»²⁸. Отметим, что участие в сражении за Берлин танкистов Д.Д. Лелюшенко даже в форме некоего «особого отряда» пока не предполагалось. Назначенный в качестве конечной точки город Цана располагался к юго-западу от немецкой столицы, на полпути от Берлина до Лейпцига.

Точно так же, как в случае с 3-й гв. танковой армией, первоначально 4-ю гв. танковую армию предполагалось использовать по канонам советской военной науки и вводить в прорыв с рубежа р. Шпрее. Командующий 4-й гв. танковой армией Д.Д. Лелюшенко впоследствии вспоминал: «В первой директиве штаба фронта [т. е. директиве № 00211 от 8 апреля 1945 г. – А.И.] требовалось осуществить ввод в прорыв 4-й гвардейской танковой армии лишь тогда, когда 5-я гвардейская армия форсирует р. Шпрее и захватит плацдарм. В этом случае пехоте из армии Жадова предстояло с боями пройти от р. Нейсе до р. Шпрее добрых 35–40 км, затратив как минимум 2 дня. Seriously задумались над этим вопросом военные советы нашей и 5-й гвардейской армий. Дело осложнялось тем, что войска Жадова имели мало танков для непосредственной поддержки пехоты. Следовательно, он не мог бы стремительно развивать наступление, а противник получил бы возможность планомерно отходить на следующие рубежи, одновременно подтягивая резервы из глубины, тем более что Берлин был рядом. Это позволило бы ему

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440., д. 676, л. 10.

²⁶ Берлинская операция 1945 г. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950. С. 560.

²⁷ Там же.

²⁸ Берлинская операция 1945 г. С. 561.

организовать оборону на р. Шпрее, подготовиться к встрече нашей танковой армии, организованным огнем и инженерно-минными заграждениями застопорить развитие нашего успеха»²⁹.

Стоит отметить, что и по плану операции 5-й гв. армии требовалось два дня на продвижение к Шпрее. Задача располагавшейся на левом фланге главной ударной группировки 1-го Украинского фронта 5-й гв. армии была не из легких. Вследствие того, что войскам фронта в феврале – марте 1945 г. пришлось отвлекать значительные силы на фланги, к началу Берлинской операции не был ликвидирован опорный пункт противника в районе города Мускау. Здесь немецкие войска удерживали плацдарм на восточном берегу Нейсе. Форст и Мускау как бы образовывали «геркулесовы столпы», «угловые столбы», ограничивавшие полосу советского наступления с севера и юга. Форст попал в полосу 3-й гв. армии, а Мускау – в полосу 5-й гв. армии. Если остальные армии начинали операцию с форсирования Нейсе, то армия А.С. Жадова должна была вначале ликвидировать вражеский плацдарм. Сразу форсировать Нейсе мог только один правобланговый 32-й стрелковый корпус 5-й гв. армии. 32-й стрелковый корпус строился для наступления с форсированием реки в два эшелона, 34-й стрелковый корпус должен был наступать на Мускау в одноэшелонном построении, а 33-й стрелковый корпус составлял второй эшелон 5-й гв. армии.

За два дня до начала операции Д.Д. Лелюшенко получил указание командующего 1-м Украинским фронтом сразу ввести в бой сильные передовые отряды 4-й гв. танковой армии для ускорения взлома всей тактической глубины обороны противника. Предполагалось, что, как только 5-я гв. армия захватит плацдарм на западном берегу р. Нейсе и наведет мосты, передовые отряды танковой армии обгонят пехоту, чтобы к утру 17 апреля с ходу форсировать Шпрее. Тем самым формат использования обеих танковых армий становился традиционным для И.С. Конева вводом в бой в первый же день наступления.

Отказ от ввода 4-й гв. танковой армии с рубежа р. Шпрее заставил сместить ее из полосы 5-й гв. армии на стык 13-й и 5-й гв. армий. Также в полосу 13-й смещалась часть сил 3-й гв. танковой армии. Причина этого проста. В случае успешного прорыва обороны противника полосы наступления армий постепенно расширяются. Происходит это за счет свертывания обороны противника в сторону флангов и естественного разворота фланговых армий во фланг и тыл обойденных прорывом соединений врага. Это позволяло планировать ввод танковых армий в прорыв в полосе одной общевойсковой армии. Сдвиг рубежа ввода обеих танковых армий назад, естественно, вызвал перекрытие полосы 13-й армии. Так армия Н.П. Пухова получила подарок судьбы – поддержку крупных танковых соединений с первого дня операции. До судьбоносного решения вводить танковые армии в бой пехоту 13-й армии должны были поддерживать всего один танковый полк и четыре самоходно-артиллерийских полка (97 танков и САУ).

Интересно отметить, что существенные изменения планов И.С. Конева последовали после того, как вечером 9 апреля 1945 г. директивой Ставки ВГК № 11064 генерал армии В.Д. Соколовский был назначен заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом. До этого Соколовский занимал должность начальника штаба 1-го Украинского фронта. Василий Данилович Соколовский был давним соратником Г.К. Жукова (он был его начальником штаба еще в период битвы за Москву), и при таком начальнике штаба вряд ли была возможность всерьез строить планы по самостоятельному броску на Берлин. Место Соколовского занял генерал армии И.Е. Петров. Последний был 25 марта 1945 г. снят с должности командующего 4-м Украинским фронтом за срыв наступательной операции и введение в заблуждение Ставки относительно истинного положения войск фронта. И.Е. Петров с Г.К. Жуковым по службе напрямую не пересекался. Поэтому при новом начальнике штаба фронта И.С. Конев мог перетряхивать задачи армий и планировать поворот крупных сил на Берлин.

²⁹ Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. М.: Наука. 1987. С. 334.

Таким образом, еще в период подготовки Берлинской операции в нее было заложено внутреннее напряжение, обусловленное стремлением И.С. Конева участвовать в боях собственноручно за Берлин. Это стремление стало дезорганизующим элементом, приведшим к существенным отклонениям в ходе боевых действий от первоначальных планов советского верховного командования.

Одерский фронт. Повторить Ржев!

В тот день, когда в штабе 1-го Белорусского фронта были подготовлены два варианта плана наступления на Берлин, Гейнц Гудериан как начальник Генерального штаба германских вооруженных сил присутствовал на совещании в бункере у Гитлера. Ему пришлось защищать командующего 9-й армией Бюссе от нападков фюрера. Незадолго до этого 9-й армией был потерян Кюстрин, а попытка контрудара по советскому плацдарму обернулась провалом с большими потерями. Закончилось все перепалкой между фюрером и начальником Генерального штаба. Формально Гудериан был отправлен в шестинедельный отпуск, но в действительности это было равносильно отставке.

Новым начальником Генерального штаба стал генерал пехоты Ганс Кребс. Этот молодой по немецким меркам генерал (47 лет) застрелился 1 мая 1945 г. и не написал «Воспоминаний солдата» («Утраченных побед», «Окопной правды», «Пострадавших от фюрера»). Поэтому он остался для многих темной лошадкой, сменившей «блестящего» Гудериана. Например, английский историк Тейлор, описывая это назначение, пишет, что фюрер «снял Гудериана с поста начальника штаба и назначил угодливого Кребса»³⁰. В действительности как штабист Кребс был явно сильнее своего предшественника. По крайней мере, его карьера была карьерой высокопоставленного штабиста на Восточном фронте с большим опытом и заметными успехами. В 1941 г. Кребс был военным атташе в Москве. Он вообще был специалистом по России – служил в 1930-х в отделе иностранных армий Востока и даже сносно говорил по-русски. С началом войны с СССР Кребс вернулся в Германию и служил в ОКХ. С января 1942 г. по январь 1943 г. Кребс был начальником штаба 9-й армии, т. е. прошел штабистом жесточайшее позиционное сражение под Ржевом. Несомненно, что непосредственное участие в ряде успешно проведенных оборонительных операций в районе Ржевского выступа стало одной из причин назначения Кребса начальником Генерального штаба. Именно за Ржев он был в апреле 1943 г. повышен в звании до генерал-лейтенанта. После повышения в звании последовал шагок на ступеньку вверх по служебной лестнице – с марта 1943 г. по сентябрь 1944 г. Кребс занимал должность начальника штаба группы армий «Центр», а затем до 17 февраля 1945 г. – начальника штаба группы армий «Б» на Западе. Рыцарский крест Кребс получил 26 марта 1944 г. за свою деятельность в качестве начальника штаба группы армий «Центр», а Дубовые листья – 20 февраля 1945 г. как начальник штаба группы армий «Б». С 17 февраля 1945 г. Кребс стал начальником оперативного отдела ОКХ, а затем он сменил Гудериана на посту начальника Генерального штаба и вошел в историю именно в этом качестве.

³⁰ Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 543.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.